

«Ближнее зарубежье» новой России или «задний двор» США?

Среднеарифметическое мнение Запада и его сателлитов традиционно обвиняет современную Россию в экспансионизме и попытках доминирования в бывших республиках СССР*. Чем уверенней внешняя политика России – тем жестче обвинения. Есть ли у этих обвинений реальные основания – обвинителей не волнует. И не только потому, что честное исследование – не их задача, но и потому, что в их кратком политическом букваре о России и ее соседях уже все написано. И написано до предела просто: в своем сопредельном «ближнем зарубежье» Россия крайне уязвима и поэтому над ним необходимо установить военно-политический, экономический и коммуникационный контроль Запада. Когда западные прагматики соглашаются, что у России есть-таки в «ближнем зарубежье» законные интересы, сопутствующие им радикалы даже в имени «ближнего зарубежья» находят генетический русский империализм. При этом нейтральное *near abroad* («ближнее зарубежье») все чаще подменяется историческим именем *backyard* («задний двор»), в самой философии которого проступает вовсе не российская история и русский империализм.

Что же конкретно написано в их политическом букваре о России? Как известно, прописными истинами чаще всего обладают политологи, журналисты и политические ученики. Вот что пишут учебники: «Существует вполне очевидная закономерность в расчетливой конфронтации Владимира Путина с Западом. Ее можно описать в виде трех concentric circles

* Хотя даже проведенные социологами, заявившими себя сторонниками ЕС и критиками власти в России, в 2006 году по заказу немецкого Фонда имени Фридриха Эберта исследования (анкетный опрос 2389 человек в основных географических зонах России, в городах и районах) демонстрируют антиимперский консенсус абсолютного большинства населения России. По их данным, лишь 18 % опрошенных уверены, что жители бывшего СССР хотят, чтобы Россия «вновь взяла их под свое крыло», лишь 14 % полагают, что Россия «традиционно имеет право на вмешательство во внутреннюю политику бывших республик СССР», лишь 18 % считают, что новое объединение в СССР необходимо и реально и т.п. (Петросян Д.И., Свинцов И.В. Россияне и соседние народы: равноправие и добрососедство или постимперский синдром // Современная Россия и мир: Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул, 2007. №23. С. 104 – 109). А, например, жители Литвы, «согласно последнему опросу населения, проведенному компанией Fonitel по заказу еженедельного аналитического журнала Veidas», считают, что «Россия является фактически единственным враждебным государством для литовцев». «Самым дружественным» назвал Россию только 1 % (REGNUM. 19.10.2007 // www.regnum.ru/news/902247.html).

расходящихся в стороны от Москвы. Внутренний круг ограничен российской территорией, куда США и Европе доступ закрыт. Внешний круг охватывает более удаленные регионы, и в их отношении Кремль допускает возможность сотрудничества. Средний круг очерчивает опасную территорию постсоветского пространства. И здесь амбиции путинской России лоб в лоб сталкиваются с интересами и ценностями Запада». Это «то географическое и политическое пространство, которое некогда занимал Советский Союз... Здесь Россия самоутверждается – и Запад должен проявить на этом пространстве больше решимости. Стратегия Путина вполне понятна: вытолкнуть Запад из российского ближнего зарубежья (near abroad). ... Россия не может восстановить советскую империю. Но она, по мнению Путина, может воссоздать неформальную гегемонию» (The Financial Times)*.

«Кто она: новая имперская держава, стремящаяся господствовать над более слабыми соседями, либо постимперское государство, защищающее свои закон-

Модест Колеров:
французское arrière-cour предательски выдает подлинный первоисточник и настоящую цель защитников постсоветского пространства от существования России и подчинения его вовсе не нейтральной исторической практике «заднего двора» США – backyard

ные интересы?... Сегодняшняя европейская реальность – это новое восхождение Москвы как угрозы для соседних стран, как крупного, но недружественного и ненадежного игрока на политической арене...» (Центр либеральных стратегий, София)**. «Российские власти, которые постоянно страдают от синдрома “осажденной крепости”, так резко отреагировали на планы по размещению элементов противоракетного щита в Европе, потому что хотят вернуть свое влияние на “задний двор” (arrière-cour) и не желают, чтобы этот регион оказался в сфере влияния Запада» (Le Figaro)***. «Россия хочет восстановить свое влияние в постсоветском “ближнем зарубежье” (near

abroad)» (The Guardian)****. Россия по-прежнему предъявляет претензии на свое эксклюзивное влияние в ближнем зарубежье (Nahe Ausland)*****.

А вот ученики, стремящиеся говорить на учительском языке. Нынешний премьер-министр Украины Юлия Тимошенко: «Россия... унаследовала не-

* Stephens P. The west must resist Putin's claim on the old Soviet space // The Financial Times. 22.11.2007.

** Крастев И. Россия как «другая Европа» // Россия в глобальной политике. 2007. №4. Июль – август.

*** Lasserre I. En s'opposant à l'indépendance du Kosovo, la Russie teste sa puissance face à l'Occident // Le Figaro. 11.09.2007.

**** Tisdall S. Putin's politics put partners on edge // The Guardian. 10.08.2007.

***** Fischer S. Die russische Politik gegenüber der Ukraine und Weißrussland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 08.09.2007.

прикрыто имперские традиции... традиционный российский экспансионизм и стремление вернуть себе великодержавный статус в ущерб интересам соседних стран... На руинах СССР возникло одно мощное государство и целый ряд небольших и беззащитных. ... Большая и сильная Германия – независимо от режима, существовавшего в Берлине, – представляла угрозу для малых и слабых государств, граничивших с ней на востоке. В дипломатии главное – сам вес государства, а не умонастроения тех, кто им распоряжается... Границы сегодняшней России, образовавшейся в результате “ропуска” СССР 25 декабря 1991 года, не имеют исторических прецедентов. Соответственно, Москва не жалеет усилий для восстановления политического влияния на территории бывшей империи, если не контроля над нею»*. Нынешний президент Грузии Михаил Саакашвили: «Европа начинает осознавать, что ей необходимо взаимодействовать с регионом “ближнего зарубежья” (near abroad), находящимся между ней и Россией. Европа начинает отказываться от своего ложного прагматизма»**. Нынешний президент Украины Виктор Ющенко прямо винит в украинском политическом кризисе «интриги и заговоры из “заднего двора” (arrière-cour)»***. Создается впечатление, что беззащитное постсоветское пространство, подвергаемое империалистической экспансии, – явление столь беспрецедентное, что изготовление политического мифа на эту тему потребовало новой терминологии – аналогов «ближнего зарубежья»: английского **near abroad** и немецкого **Nahe Ausland******. Однако французское **arrière-cour** предательски выдает подлинный первоисточник и настоящую цель защитников постсоветского пространства от существования России и подчинения его вовсе не нейтральной исторической практике «заднего двора» США – **backyard**.

Исследователи справедливо видят основы принятой в американском политическом языке формулы backyard в «доктрине Монро», отделившей Западное полушарие от Старого Света не столько по географическому признаку, сколько по идейно-экономическим соображениям абсолютной гегемонии США*****. Западное полушарие как «задний двор» США понимается как единый ареал (Мексика, Карибские острова, Центральная и Южная Америка; иначе – Латинская Америка и Карибы)***** их цивилизационного превосходства, имеющий, однако, лишь отчасти географические границы: Канада в него не включается, поскольку не может служить объектом прямого доминирования США.

* Tymoshenko Y. Containing Russia // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. May – June.

** Kaylan M. Georgia on His Mind // The Wall Street Journal. 25.08.2007.

*** Ioustchenko V. Pourquoi j'ai dissous le Parlement ukrainien // Le Figaro. 03.04.2007.

**** Для Германии Nahe Ausland, употребляемое в отношении ее собственного ближнего зарубежья, традиционно и корректно включает в себя сугубо географических соседей: Италию, Швейцарию, Францию, Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Польшу, Чехию, Австрию.

***** Barry T. Our Backyard Pax Americana. // Americas Program. 17.02.2003. <http://americas.irc-online.org/reports/2003/0302paxam.html>.

***** См.: Lapper R., Wheatley J. A serenade in the backyard: why Bush's Latin overtures may fall on deaf ears // Financial Times. 08.03.2007; Webb-Vidal A. Terror groups relocating to US's backyard // Financial Times. 04.03.2007; и многое другое.

Президент Соединенных Штатов Джеймс Монро издавна вполне империалистически так определил содержание ареала: «Мы... должны будем рассматривать попытку сих сторон [держав по ту сторону Атлантического океана] распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость после тщательного изучения и на основе принципов справедливости мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европей-

*Исследователи справедливо видят основы принятой в американском политическом языке формулы *backyard* в «доктрине Монро», отделившей Западное полушарие от Старого Света не столько по географическому признаку, сколько по идейно-экономическим соображениям абсолютной гегемонии США*

ской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними, иначе как недружественное проявление по отношению к Соединенным Штатам...»*.

К территориальному империализму Монро президент Теодор Рузвельт добавил «ценностную шкалу», определяемую США: «Любая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу чистосердечную дружбу. Если государство демонстрирует, что знает, как действовать с разумом, умением и приличием в социаль-

ных, политических вопросах, если оно соблюдает порядок и выполняет обязательства, ему не следует опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бесчинств, приводящие к общему ослаблению уз цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В Западном полушарии следование Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить их, возможно, и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия, к выполнению обязанностей международной полицейской державы. Если какая-либо страна, чьи берега омываются Карибским морем, продемонстрирует стабильность и справедливый прогресс цивилизации... вмешательство нашего государства в их дела прекратится. Наши соседи обладают богатыми природными ресурсами, и, если в пределах их границ будут соблюдаться законность и справедливость, процветание обязательно придет к ним. При условии соблюдения этими странами основополагающих законов цивилизованного общества они могут быть уверены в

* Доктрина Монро из седьмого ежегодного послания Конгрессу президента Джеймса Монро. 02.12.1823 года

том, что мы будем относиться к ним благожелательно и с искренней симпатией. Мы вмешаемся в их дела лишь в крайнем случае и лишь тогда, когда станет очевидным, что их неспособность и нежелание добиться справедливости у себя в стране и за рубежом нарушили права Соединенных Штатов или же спровоцировали иностранную интервенцию во вред всем американским государствам»*.

В цивилизационно-полицейский империализм Монро-Рузвельта сенатор Лодж внес лишь военное-коммуникационное уточнение, распространив правила «заднего двора» не только на суверенную политику, но и на сферу бизнеса: «В том случае, когда любой порт или иной объект на американских континентах расположен таким образом, что его оккупация в военно-морских либо военных целях может угрожать коммуникациям или безопасности Соединенных Штатов, правительство Соединенных Штатов не может не рассматривать без серьезной озабоченности владение таким портом или иным объектом какой-либо корпорацией или ассоциацией, которая имеет с другим, не американским, правительством, такие отношения, которые предоставляют этому правительству практическое право контроля в национальных интересах...»**.

Таким образом, принципы «заднего двора» США включают в себя всеобщий политический, военный, экономический и «ценностный» контроль***. Именно американский backyard имеют в виду бывшие метрополии Старого Света, Испания, Италия и Франция: Испания – противопоставляя ему свои собственные позитивные постколониальные культурно-языковые связи от Латинской Америки до Европы, от Чили до Италии (**Iberoamérica**)**** чужой, негативной американской гегемонии «заднего двора» (**el patio trasero**, иногда **jardín trasero** и даже **la sombra** – «тень»); Италия – просто воспроизводя в своих интересах концепт «заднего двора» (**cortile di casa**, иногда даже архаичное **limitrofi**)*****; Франция – описывая этим именем (**arrière-cour**) свои эксклюзивные***** постколониальные права в бывшей Французской Африке и особенно в Магрибе и Чаде.

Теперь, после распада СССР, Соединенные Штаты более не хотят ограничивать свой «задний двор» рамками Западного полушария. И в 1990-е годы политический консенсус о новой реальности нашел своего нового выразителя – Збигнева Бжезинского. В политических кругах, ориентированных

* Поправка президента Теодора Рузвельта к Доктрине Монро (1904).

** Поправка сенатора Генри Кэбота Лоджа к Доктрине Монро (1912).

*** См. об этом, например: Artaud D. Les Etats-Unis Et Leur Arriere-Cour. Paris, 1995 (2003); Santander S. L'arrière-cour américaine dans les turbulences // La Libre Belgique. 13.09.2002. www.lalibre.be/index.php?view=article&id=3&subid=152&art_id=79710.

**** Nosotros somos the backyard, el patio trasero del Occidente encarnado por los Estados Unidos (Buela A. IberoamOrica y Occidente: Tensiones y acuerdos // Asociación Cultural Disidencias: Entidad adherida a la Red vértice: www.red-vertice.com/disidencias/textosdisi16.html). См. также: www.red-vertice.com/quees.htm.

***** Il disastro americano Friday, 24.03.2006 at 6:58 PM // <http://italy.indymedia.org/news/2006/03/1029535.php>; www.ilmanifesto.it/Quotidiano-archivio/23-Marzo-2006/art96.html.

***** Gomez J. El patio trasero de Chirac // Solidaridad.Net. 30.11.2006. www.solidaridad.net/articulo2609_enesp.htm.

на американских демократов, европейских бюрократов с темным социалистическим прошлым, грантовых интеллектуалов и их постсоветских клиентов, – одним словом, в кругу всех тех, кто, действуя на территориях бывшего СССР, профессионально вынужден примеряться к роли «доброего следователя» или «своего парня», принято, морщась, называть Бжезинского «маргиналом», не представляющим ни современную американскую мысль, ни умудренную американскую власть. В глазах этих умудренных прогрессистов сама ссылка на Бжезинского уже реликт холодной войны, художественная литература, далекая от ежедневной практики партнерского взаимодействия Запада и Востока, и т.п., и т.д. Может быть, в этом и есть своя правда. Но еще ближе к истине то, что эта художественная литература удивительным образом рисует именно тот консенсус, который реально диктует логику политических решений, прямо возрождает нетерпеливую стилистику холодной войны, с максимальным цинизмом договаривает до карательного конца пустословие о «ценностях» и «факеле свободы».

Прямо договоренная Бжезинским философия американского «заднего двора» и распространенные на оставшиеся части мира миссионерские претензии США очень точно выражаются в его формуле «шахматной доски» – объекта монопольной манипуляции. Стоит ли удивляться, что главное приобретение современности манипулятор видит в освобожденном умершим СССР пространстве для нового backyard США:

«Главный геополитический приз для Америки – Евразия... глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте... В связи с этим критически важным является то, как Америка “управляет” Евразией... На этой огромной, причудливых очертаний евразийской шахматной доске, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для “игры”...

Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей... потеря территорий не является главной проблемой для России...

В большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи... Россия с большей вероятностью предпочтет Европу возврату империи, если США успешно реализуют вторую важную часть своей стратегии в отношении России, то есть усилят преобладающие на постсоветском пространстве тенденции геополитического плюра-

лизма. Укрепление этих тенденций уменьшит соблазн вернуться к империи... Однако политика укрепления геополитического плюрализма не должна обуславливаться только наличием хороших отношений с Россией. Более того, она важна и в случае, если эти отношения не складываются, поскольку она создает барьеры для возрождения какой-либо действительно опасной российской имперской политики.

Отсюда следует, что оказание политической и экономической помощи основным вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии... Преимущества ускоренного регионального развития, финансируемого за счет внешних вложений, распро-

странились бы и на приграничные районы России, которые, как правило, недостаточно развиты экономически. Более того, как только новые правящие элиты регионов поймут, что Россия соглашается на включение этих регионов в мировую экономику, они будут меньше опасаться политических последствий тесных экономических связей с Россией. Со временем не имеющая имперских амбиций Россия могла бы получить признание в качестве самого удобного экономиче-

Философия американского «заднего двора» и распространенные на оставшиеся части мира миссионерские претензии США очень точно выражаются в формуле «шахматной доски» – объекта монопольной манипуляции Бжезинского

ского партнера, хотя и не выступающего уже в роли имперского правителя»*.

Теперь, после СССР, главной помехой для глобальной игры шахматистов в Евразии выступает Россия. Для глобального манипулятора неприемлем сам факт ее целостного и вообще самостоятельного политико-экономического существования. Логично, что ее географическое «ближнее зарубежье» понимается только как плацдарм для действий по нейтрализации и децентрализации самой России. Поэтому любое иное, не инструментальное представление о «ближнем зарубежье» как зоне естественных интересов или культурного единства** априори рассматривается как акт агрессивного неподчинения плану шахматной игры***. И чем большая потенциальная опасность исходит в адрес России от ее соседей, тем радостней шахматист. Надо быть честным: эта опас-

* Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1997.

** Например, современные авторы из Армении понимают под «ближним зарубежьем» постсоветское пространство, остающееся зоной применения русского языка, и в этом видят его принципиальное отличие от «дальнего зарубежья»: «Информационный бум во всех странах на постсоветском пространстве все же был русскоязычным... Именно по этой причине для нас до сих пор существуют понятия ближнего и дальнего зарубежья» (Григорян Э.А., Даниелян М.Г. Русский язык в Республике Армения. Общественные функции. М., 2006. С. 116.)

*** «Russians try to use it on some of their neighbors in the near abroad... he's basically trying to make Russia a force in the near abroad, the countries that used to belong to the Soviet Union» (Роберт Гейтс на слушаниях в Сенате США при назначении министром обороны США. 05.12.2006: Transcript of the Senate Armed Services Committee Nomination Hearing for Robert M. Gates // www.nytimes.com/2006/12/05/washington/05text-gates1.html?pagewanted=print).

ность, ее растущее бремя созданы самим СССР и его интернационалистским проектом. Теперь России приходится платить по счетам и Российской империи, и СССР, главным, самым дорогим из которых является все более фантомное, но от того не менее большое общее культурное и историческое наследство.

Многие годы после СССР русская политическая мысль искала имени для того пространства, которое было частью СССР и стало цепью независимых государств. В начале 1990-х их независимость оставалась еще сугубо юридической: границы, валюты, гражданства, армии, тарифы, суверенные экономики едва прочерчивались на фактически все еще общем географическом теле, порождая самые удивительные соединения. Само имя этой новой реальности соединяло в себе и признание факта, и фантомные боли-воспоминания об отрезанных частях тела. Так, первоначальное нейтральное «новое зарубежье» (отчасти совпадающее с американскими «новыми независимыми государствами» и «новыми европейскими демократиями») вскоре было вытеснено более эмоциональным – «ближнее зарубежье». Словно по ту сторону границ никогда не

было ни Китая, ни Финляндии, ни Норвегии, ни Аляски. Впрочем, никому и в голову не приходило внести этих старых соседей нового государства в список государств «ближнего зарубежья». Главным содержанием этого списка были советская инерция и советское наследие, с которым боролись национал-

коммунисты и которое в равной степени успешно приватизировали.

Несомненно, в качестве очередного объекта приватизации и расчленения рассматривалась и Россия. И дело не только в словах экс-помощника президента США Збигнева Бжезинского о необходимости «свободной конфедерации» на месте России. Главное – во внутренней готовности русского политического класса 1990-х мыслить Россию упакованной в Содружество Независимых Государств (СНГ, Commonwealth of Independent States), аналог Британского содружества наций для бывшей Британской империи (British Commonwealth of Nations)*. Аналогия эта была притворной и быстро выветрилась, ибо в 1990-е годы в идеологии самого СНГ преобладало мучительное желание подменить недавнюю «общую рамку» СССР рамкой СНГ, в которой независимой России отводилось подчиненное, вторичное положение. Именно тогда родилась малоубедительная формула, конкурирующая с понятием «ближнего зарубежья» – «СНГ и Балтия», в которой международная органи-

* В немецком политическом языке, хорошо знакомом с Commonwealth, аналогом СНГ, тем не менее, была избрана другая формула: Gemeinschaft für der unabhängigen Staaten (GUS, по-русски «сообщество»). На моей памяти в первые дни после создания СНГ у наблюдателей из Германии это даже вызывало трудности с адекватным переводом Gemeinschaft на русский язык. Но логика немецкого языка оказалась безошибочной – несмотря на терминологическое сходство с Commonwealth, ничего общего у Commonwealth с СНГ не нашлось.

Многие годы после СССР русская политическая мысль искала имени для того пространства, которое было частью СССР и стало цепью независимых государств

зация (СНГ) соединялась со свежевыведенным и навязанным русскому языку географическим понятием (Балтия – вместо Прибалтики*): России, несмотря на то, что только ее существование до сих пор придает такому соединению какой бы то ни было смысл, в этой формуле отводилась роль географического, почти бессубъектного пространства.

Поэтому в момент раздела СССР вряд ли кто в здравом уме, видя растущую суверенизацию Татарии, Башкирии, Якутии и Чечни, мог считать остаточную, полумертвую Россию и ее власть ядром имперского реваншизма, а «ближнее зарубежье» – объектом ее экспансии. В те годы Россия сама становилась объектом дальнейшего раздела или расходным материалом для внутророссийской коммунистической оппозиции, для которой будущий распад России казался менее важной проблемой, чем вчерашнее исчезновение СССР. Коллекционер понятий русского языка того времени заметил: «За словосочетанием “ближнее зарубежье” первоначально стояло представление, согласно которому “границы Российского государства после распада СССР пока нельзя считать окончательными”... Сама форма высказывания требует неоднозначного истолкования: “страны не вполне или не по-настоящему независимые”, “условно зарубежные страны”, “свои, но лежащие за границей территории”**. Так общие для постсоветских республик фантомные боли над умершим СССР начали приписывать только России. Как писал в те дни автор этих строк, именно в идеологии оппозиции «Россия размазывается по карте бывшего СССР, используется как материал для восстановления советской власти»***. В начале 1990-х годов, когда линии расчленения России сдвинулись к ее границам, Таджики-

* В начале 1990-х новые независимые государства на пространстве бывшего СССР, законно воспринимая русский язык (подобно собственности СССР) как свое общее наследие, сделали и его тоже объектом приватизации. Именно поэтому русская ономастика (исторические, географические и иные имена) стала объектом разнообразных злоупотреблений. Только относясь к русскому языку как к своему собственному трофею, можно было навязывать ему замену классического «на Украине» (подобного «на Филиппинах», «на Гаити», наконец, неизменному с древности «на Руси») искусственным «в Украине», традиционной «Прибалтики» – иноязычной «Балтией». Уважаемый современный русский историк даже попытался придать этому злоупотреблению научный смысл: признавая, что «Прибалтикой в России издавна назывались земли, граничащие с Балтийским морем», он уверяет, что «понятие это никогда не имело юридического статуса, а тем более государственного смысла» (Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 3). Попытался – и принял грех на научную душу. Ведь если просто удивительно, что признаваемое Е.Ю. Зубковой имя «Прибалтийские губернии / Прибалтийский край» (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия, ср.: Привислянские губернии – Польша) считается ею недостаточно «юридическим» (хотя известны его массовые именно юридические применения: Свод местных узаконений губерний Прибалтийских. СПб., 1891; Положение 9 июля 1889 года о преобразовании крестьянских присутственных мест Прибалтийских губерний. Ливава, 1890; Гасман А., Нолькен А. Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в Прибалтийских губерниях. СПб, 1890; Буковский В. Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Рига, 1914; Невзоров А.С. Краткое изложение курса местного права Прибалтийских губерний. Юрьев, 1909–1910; и другие), – то вовсе невозможно понять, почему хорошо известный (впрочем, не Е.Ю. Зубковой) с XVIII по XX века «Прибалтийский генерал-губернатор / Прибалтийское генерал-губернаторство» – явление недостаточно «государственное»?

** Гусейнов Г. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. М., 2005. С. 15–16.

*** Колеров М. Третья смута и ее органический закон // Независимая газета. 26.02.1992.

стан, Закавказье и Приднестровье погрузились в войну, главной угрозой для постсоветского пространства стал «югославский сценарий», «ближнее зарубежье» – по той же югославской аналогии – стало все чаще фигурировать в качестве объекта внешнего вмешательства: миротворчества, урегулирования, международных гарантий, военных баз, обсуждения проблемы статуса и границ. Ни у кого не было уверенности, что Россия не станет объектом такого урегулирования в ближайшее время.

Экспансия американского «заднего двора» в Евразию ослабила собственные американские тылы. Растущее все более ожесточенное нежелание Латинской Америки оставаться чьим бы то ни было «задним двором» сопровождается растущим нежеланием Европы стать его новым ответвлением и, напротив, острым осознанием своей уязвимости в собственном «заднем дворе»: на Балканах («опасный backyard Европы» – Сербия, Босния, Македония, Албания, Черногория, Косово), даже в Бельгии (как «заднем дворе демократии»), Испании, Италии и Португалии (как «заднем дворе Европы»)

Стоило Соединенным Штатам объявить о проекте размещения системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, очевидно направленной против России, как евроатлантическое общественное мнение впервые расценило его как акт вмешательства США... в дела «заднего двора» (!) России (Russia... nel suo «cortile di casa», l'arrière-cour russe*), даже прямо не граничащего с основной территорией России, но представляющего ей прямую угрозу. Так недружественная военная экспансия в регион, начатая с расширения НАТО на Прибалтику, тиражирования сербской «революции» на Украине, в Грузии, Киргизии и Андижане, альтернативной энергополитики в Закавказье автоматически перевело геополитический статус даже членов НАТО в Восточной и Центральной Европе в разряд грубо, по-американски, поименованной зоны российских интересов.

Американский критик администрации США провел прямую аналогию: «Как бы реагировали США, если бы Китай объединил Кубу, Никарагуа и Венесуэлу в военный союз, убедил Мексику продавать нефть Пекину и в обход Соединенных Штатов и начал ввязываться в дела Центральной Америки и Карибских стран затем, чтобы с помощью выборов отстранить от власти дружественные режимы? Как бы реагировал Вашингтон на российское решение установить противоракетные установки в Гренландии? ... Но не Москва продвигает военный альянс к нашим границам или строит базы и размещает противоракетные установки на нашем переднем и “заднем дворе” (our front and back yards)**». В такой ситуации американский адвокат администрации США постарался от-

* Face au bouclier antimissile américain, craintes et calculs de la Russie de Poutine // Le Figaro. 26.03.2007; Condoleezza Rice a Mosca, non c'è una nuova guerra fredda // RAINNEWS24. 14.05.2007 (www.rainews24.rai.it/notizia.asp?newsID=69924); CNN. 05.06.2007 // <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0706/05/sitroom.02.html>; www.movisol.org/07news026.htm.

** Patrick J. Buchanan. Does Putin Not Have a Point? 13.02.2007. См. также: Georgian leader accuses Russia // www.turkishdailynews.com.tr/article.php?newsid=88530 (Turkish Daily News. 14.11.2007); Building a missile shield in Russia's backyard. 12.02.2007 // www.digg.com/world_news/Russia_pulls_out_of_Nato_arms_pact.

личить «дальнее зарубежье» России от «ближнего»*, чтобы избавиться от неприятных аналогий и вновь отказать России в праве на безопасность.

В понятной, но оттого не менее странной самоуверенности американские глобальные шахматисты рискнули перенести «доктрину Монро» и «заднего двора» не просто на Старый Свет как часть Восточного полушария, от которого когда-то давно самоизолировались, но и на Азиатско-Тихоокеанский регион, уже не смущаясь растущей силой Китая. И в медиаучебниках зазвучали знакомые формулировки, согласно которым в «задний двор азиатско-тихоокеанских демократий США, Японии и Индии» были включены «авторитарные Китай, Северная Корея, Бирма, Таиланд»**. Размещение военной инфраструктуры США в Средней Азии после 11 сентября 2001 года (и, видимо, неафишируемые усилия такого же рода в Монголии) с подкупающей непосредственностью стало именоваться проникновением в среднеазиатский «бывший задний двор» России и Китая***...

Признанным венцом этих усилий США по концептуализации «контролируемой нестабильности», своего «ручного управления» новым «задним двором», дополнительным, замыкающим всю цепь их предыдущих усилий в Евразии от Балкан до Восточной Европы и Средней Азии стала новая формула Збигнева Бжезинского о «глобальных Балканах от Суэца до Синьцзяна» (Палестина, Ирак, Иран, Афганистан и далее в мусульманский Запад Китая и Монголию)****... Пусть теперь идущие к власти американские демократы в очередной раз скажут, что Бжезинский – архаичный маргинал и что применяемое им к и без того изуродованному войной Среднему Востоку имя «Балкан» – это жест процветания, а не вечного конфликта и новой резни...

Осталось дожидаться, когда и Китай, впечатленный навязываемой ему философией американского «заднего двора» и прекрасно понимающий свои жизненные интересы в сопредельных государствах, разделит товарищеское, но определенное предупреждение интервентам, с которым в годы тяжелейшей государственной Смуты в России, в, пожалуй, самой кровавой точке Гражданской войны, в Крыму, выступил русский поэт:

*Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарниц!
Прикосновение – смерть*****.*

* Bugajski J. Russia's Far Abroad // The Wall Street Journal, Europe edition. 22.03.2007.

** Twining D. America is pursuing grand design in Asia // Financial Times. 25.09.2006. Ср.: Lucas Nagel. El patio trasero de Japón: Los países del sureste asiático se han convertido en el espacio natural de la economía nipona // El País. 03.01.1988.

*** Wagstyl S. How west can win in central Asia // Financial Times. 26.08.2007; Russia is in need of firm handling (Редакционный комментарий) // The Financial Times. 26.12.2007; Giulietto Chiesa. L'Asia Centrale, cortile di casa di Russia e Cina // La Stampa. 19.08.2007. www.esserecomunisti.it/index.aspx?m=77&f=2&IDArticolo=17716; www.larouchepub.com/other/2005/3229c_asia_coldwar.html. Ср. с гонконгской газетой: Sean Yom. Russian-Chinese pact a 'great game' victim // Asia Times. 30.07.2002: www.atimes.com/atimes/Central_Asia/DG30Ag01.html.

**** Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007.

***** Волошин М. Неопалимая купина. СПб., 1919.